

УДК 330.34

З. В. Прокопенко ORCID ID 0000-0002-2481-2420

ФГАОУ ВО «Южный федеральный университет», Ростов-на-Дону, Россия,
e-mail: prokopenkozolina@list.ru

САНКЦИОННЫЕ ГРАНИЦЫ ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЭКОНОМИКИ В УСЛОВИЯХ ГЕОПОЛИТИЧЕСКИХ РИСКОВ

Ключевые слова: макроэкономическое развитие, санкционная политика, контрсанкции, импортозамещение, интровертная экономика, экстравертная экономика, прямые иностранные инвестиции, ожидаемая доходность капитала.

Данная работа актуализирует вопросы экономического развития национальной экономики в условиях её санкционирования посредством изучения направленности, структуры и последствий применения экономических мер давления. По мнению автора, концепция экономического развития предполагает интеграцию методологического контента изучения санкционной экономики в условиях повышенных геополитических рисков и эмпирических данных для анализа влияний санкций на динамику макроэкономических переменных с целью выработки контрмеханизмов, позволяющих смягчить воздействие санкционной политики и обеспечить стабилизацию экономических процессов. Задача исследования состоит в выявлении комплексных эффектов санкций на основе анализа экспертных оценок, определения ключевых факторов устойчивости и адаптации развития экономики в условиях внешней изоляции. В работе получает обоснование позиция, согласно которой санкции являются гибридным инструментом внешнего давления, не столько политическим регулятором международных споров, сколько экономическим методом обеспечения интересов глобальных игроков, направленным на ограничение экономического развития стран в долгосрочной перспективе. В работе выявлены общие закономерности воздействия санкций на экономическое развитие национальной экономики и сделаны выводы о неоднозначности санкционных эффектов, которые имеют краткосрочный характер воздействия и служат стимулом для запуска адаптационных механизмов противодействия ограничительным мерам. Авторские выводы служат основой для формирования контрсанкционной политики стабилизационного характера, направленной в область стимулирования долгосрочного инвестиционного развития хозяйственных подсистем экономики под давлением санкций.

Z. V. Prokopenko ORCID ID 0000-0002-2481-2420

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia,
e-mail: prokopenkozolina@list.ru

SANCTIONS LIMITS OF ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE NATIONAL ECONOMY IN THE CONTEXT OF GEOPOLITICAL RISKS

Keywords: macroeconomic development, sanctions policy, counter-sanctions, import substitution, introverted economy, extroverted economy, foreign direct investment, expected return on capital.

This paper addresses the issues of economic development of the national economy under sanctions by examining the direction, structure, and consequences of economic pressure measures. The author believes that the concept of economic development involves integrating the methodological content of studying the sanctions economy under heightened geopolitical risks with empirical data to analyze the impact of sanctions on the dynamics of macroeconomic variables in order to develop counter-mechanisms to mitigate the impact of sanctions policy and stabilize economic processes. The objective of the study is to identify the complex effects of sanctions by analyzing expert assessments and determining key factors of sustainability and adaptation of economic development in conditions of external isolation. The paper substantiates the position that sanctions are a hybrid instrument of external pressure, not so much a political regulator of international disputes as an economic method of ensuring the interests of global players, aimed at limiting the economic development of countries in the long term. The paper identifies general patterns in the impact of sanctions on the economic development of the national economy and draws conclusions about the ambiguity of the sanctions effects, which have a short-term impact and serve as an incentive to launch adaptation mechanisms to counter restrictive measures. The author's conclusions serve as the basis for the formation of a counter-sanctions policy of a stabilization nature, aimed at stimulating long-term investment development of economic subsystems of the economy under the pressure of sanctions.

Введение

Многоаспектный анализ значимых изменений в системе национальных хозяйственных связей показывает высокий уровень их восприимчивости к внешним силам ограничительного действия, к которым относится практика применения политики санкций в отношении отдельно взятых экономик. Санкции, являясь политическим инструментом регулирования международных споров, стали частью механизма долгосрочного воздействия на экономическое развитие регионов, подвергшихся санкционированию, что подтверждается рядом исследований [1-5]. Практический опыт России и ряда других государств свидетельствует, что санкции играют дестабилизирующую роль в хозяйственном механизме страновой локализации и, в этом смысле, превращаются в «антирегулятор» экономического развития, сдерживающий технологические и инвестиционные процессы внутри страны. В данном контексте, наиболее перспективным направлением научного осмысления современных экономических проблем является всесторонняя экспертиза экономического деструктивизма санкций и поиска адаптивных моделей экономического развития, имеющих антисанкционный «иммунитет».

Цель исследования: выявление закономерностей в механизме реализации санкционной политики и обоснование концептологии санкций как инструмента экономического сдерживания развития национальной хозяйственной системы.

Материалы и методы исследования

Для достижения поставленной цели были использованы системный, структурный, качественный институциональный, эмпирический общенаучные методы исследования.

Информационной базой исследования послужили научные поиски и экспертные оценки известных представителей экономической теории, а также актуальные современные публикации российских и зарубежных исследователей.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятия санкции и экономическое развитие, которые на первый взгляд являются взаимоисключающими, представляют сложные и неоднозначные вариации взаимовлияния, соединяя в себе деструктивные и сози-

дательные процессы, работающие в тесном симбиозе. Многочисленные исследования в сфере применения санкционного механизма показывают неоднородность результатов санкционирования в различных странах, от крайне негативного – ухудшение экологической и гуманитарной ситуации, снижение уровня жизни населения, инфляционное давление и т.д., до позитивного – создание мощных стимулов для стратегирования развития промышленной и финансовой сфер в рамках целенаправленной политики усиления конкурентного преимущества национальных отраслей [4,6,7]. Тем самым, изучение санкций в макроэкономическом контексте все чаще приводит к однозначной позиции, что любые санкционные ограничения, с одной стороны, могут стать мощным экономическим инструментом сдерживания, а, с другой, плацдармом для экономического развития [8-11].

Системность как свойство экономики предполагает как внутривостановые взаимозависимости национальных отраслей, так и межвостановые, неизбежно формирующиеся в условиях международного разделения труда и реализующиеся в отношениях обмена товарами и услугами. В области изучения промышленной структуры экономики всегда стоят вопросы выявления экономических связей, обеспечивающих транзитные цепочки ресурсов и готовой продукции, что особенно важно в процессе описания механизма функционирования экономической системы в условиях санкционных шоков [5]. Такие экономические связи служат для объяснения экономической структуры на уровне отраслей и показывают степень межвостановой зависимости в глобальной системе распределения ресурсов, что позволяет количественно оценить санкционные потери и выявить степень санкционного удара для отдельных отраслей экономики [12].

В контексте структурного анализа межотраслевых взаимосвязей иногда используются концепты экстравертности или интровертности экономики, с точки зрения ориентации экономической системы на внешний или внутренний спрос и оценки уровня интеграции страны в мировую экономику. Экстравертная (Outward-oriented / Extraverted) экономика получила обоснование в теориях сравнительных преимуществ Д. Рикардо, торговли П. Кругмана, экономического роста Р. Солоу и ассоциируется в научном сознании с экспортно-ориентированной ин-

дустриализацией. Экстравертность экономики определяется высокой зависимостью национальных хозяйственных подсистем от внешних рынков, импорта технологий, что усиливает тенденцию глобальной интеграции, но, одновременно, повышает уязвимость к внешним кризисам. Интровертность (Inward-oriented / Introverted) экономики предполагает закрытость, которая достигается посредством локализации производства и полного цикла внутренних цепочек поставок в рамках реализации модели импортозамещающей индустриализации, что позволяет избегать экстерналий глобализации. Научная аргументация данной структурной модели экономики получила развитие в теории зависимости С. Амина, структуралистской теории Р. Пребиша и концепции «трилеммы мировой экономики» Д. Родрика. Тем самым, научная интерпретация и анализ структурных моделей хозяйственных систем обнаруживает исследовательскую дихотомию между глобальной интеграцией и внутренними социально-экономическими потребностями национальной экономики, между инновационно определяемыми конкурентными преимуществами экстравертной организации хозяйственных отношений и инвестиционными и технологическими ограничениями интровертного развития [13-15]. Данная парадигма особенно актуальна в контексте обеспечения устойчивости экономической системы к внешним шокам в современных координатах санкционного противодействия. В ситуации ярко выраженной экстравертности, проявляющейся в доминировании стратегий, основанных на сравнительных преимуществах и активизации в глобальных цепочках стоимости; высокой доли экспорта и импорта в ВВП, зависимости от иностранных инвестиций и технологий, воздействие санкций является более чувствительным. Тем самым, уязвимость экстравертной модели в условиях санкций в текущем контексте обусловлена разрывом финансовых связей (отключение от SWIFT, заморозка резервов, блокировка межбанковских расчетов), технологической блокадой (отключение от ПО и цифровых платформ, запрет на импорт высокотехнологичного оборудования), логистической изоляцией, ограничении в приросте человеческого капитала.

В этом смысле защитной стратегией в рамках формирования антисанкционной политики становится переход к интроверт-

ной экономике, когда её экономическое развитие в большей степени зависит от взаимодействия между внутренними отраслями, что позволяет обеспечить значительную способность к самовосстановлению и мобилизации ресурсов для смягчения санкционных шоков.

Существующий опыт реализации санкционной политики опровергает западную сентенцию, что подобный инструмент давления имеет односторонний антиэкономический характер, разрушая изнутри экономику, принимающую санкционный удар. Действия санкций как инструмента внешнего давления имеют двухсторонний характер, двусторонне затрагивая интересы не только страны реципиента санкций, но и их актора. В данном контексте, понимание природы санкций и их теоретическое обоснование является важнейшим шагом к систематизации представлений о действии санкционных механизмов с точки зрения их влияния на макроэкономические параметры социально-экономического развития страны в условиях внешней торговой и финансовой изоляции.

Исследовательская повестка в области изучения последствий введения санкций имеет значительно выраженную концептологию тормозящего влияния санкций на экономическое развитие страны, против которой они направлены, тем самым, подчеркивается макроэкономический универсализм в дескредитивной политике международного уровня. Макроэкономический эффект санкций определяется снижением объемов внешней торговли и потери чистого экспорта, а также оттока иностранного капитала, снижающего инвестиционный потенциал для значимых сегментов национальной экономики. В данной статье автор опирается на позицию, согласно которой санкции определяются как гибридный инструмент политической этимологии с значительно выраженными экономическими эффектами ограничительного характера, направленными на достижение не только и не столько политических и правовых целей, сколько служащих для реализации экономических интересов глобализма. Структурный анализ санкций последнего десятилетия указывает на положительную динамику доли финансовых и торговых санкций в системе ограничительных мер, принятых против группы стран, оказавшихся под самым сильным санкционным ударом, где лидируют Россия, Афганистан,

Ливия, Словения, Иран, Зимбабве, Мьянма. Так, в отношении Афганистана доля финансовых санкций составила 21 %, в отношении Ирана – 37 %, в отношении Ливии – 28 %, в отношении Мьянмы – 22 %, в отношении России – 33 %. Более того, экономические санкции отменяются реже всего, что подтверждает направленность санкционного давления в сторону ограничения экономического развития в длинном временном интервале [9]. Таким образом, современные контексты международной регуляторики в системе реализации страновых интересов экспансионистского характера направлены в область блокировки технологической, инвестиционной и торговой компоненты воспроизводственной системы национального хозяйства. В связи с этим, актуальной повесткой анализа санкционно адаптивного развития экономики является определение основных каналов действия инструментов санкционного давления (торговых, инвестиционных, технологических, социальных) и выявления индикаторов для оценки ущерба и уровня адаптации элементов системы к подобной девиантной практике.

Самым разрушительным действием применяемых в современных условиях санкций является установление барьеров для долгосрочного финансирования крупных частных и государственных компаний, а, соответственно, стратегических отраслей, региональных производственных подсистем, формирующих экспортный потенциал государства, что равносильно прямому вмешательству деструктивного характера в экспоненциальную динамику роста. В условиях сильно обусловленной взаимозависимости становится реальностью ограничение долгосрочного развития страны через санкции при одновременном экономическом росте [10]. Прежде всего, санкционная эскалация приводит к снижению цен на национальные финансовые активы, что усиливает неопределенность в сфере принятия инвестиционных решений [1]. Тем самым, блокируются воспроизводственные процессы, обеспечивающие отдачу в сфере реализации национальных факторов производства и выступающие системно значимыми каналами доходообразования и роста капитализации в экономике. Сокращение валового капиталообразования и ограничение в доступе кредитных ресурсов – два санкционных эффекта, которые дестабилизируют экономическую динамику.

На примере истории санкционного давления на российскую экономику можно с точностью увидеть направленность используемого западными странами контента ограничений в сторону уменьшения возможностей для долгосрочного развития и снижения влияния России в системе международных экономических отношений. В данном контексте, следует отметить один из сильно выраженных эффектов санкционного давления на российскую экономику, снижения инвестиционного интереса со стороны субъектов иностранного капитала. Ограничения трансфера прямых иностранных инвестиций означает установление барьеров для притока в страну новых технологий, навыков и методов управления производством, логистикой и сбытом, новых рабочих мест [16]. Однако, ожидаемые эффекты не всегда достигают своего целевого значения, демонстрируя противоречивую практику политического регулятивного радикализма в отношении экономического динамизма.

Ортодоксальным показателем макроэкономической динамики развития является ВВП, служащий статистической иллюстрацией технологических, структурных и организационных изменений в системе национального производства. В силу недостаточности изученности опыта развития стран в условиях экономической изоляции сложно усмотреть однозначную позицию относительно влияния санкций на ключевой показатель экономического роста ВВП.

Так, согласно официальным цифрам динамики российского ВВП с 2020 г. по сегодняшний день, критического влияния санкции на важнейший макроэкономический индикатор роста не оказали. Несмотря на то, что первая волна санкций привела к максимальной потере ВВП России в 2022 г. 2,1 %, в первую очередь, за счет сокращения прямых иностранных инвестиций, уже в 2023 г. эти потери были отыграны: экономика выросла на 3,6%, благодаря восстановлению спроса на энергоносители [17]. Согласно опубликованным данным Интерфакс со ссылкой на октябрьский обзор World Economic Outlook: Policy Pivot, Rising Threats в 2024 г. рост российского ВВП по прогнозам Международного валютного фонда планировался на уровне 3,2%, по реальным оценкам составил – 4.1 %, т.е. оказался стабильно устойчивым [18].

Динамика ВВП России в условиях санкций (2020–2024 гг.)

Год	Темпы роста ВВП (%)	Примечания
2020	-2,7%	Замедление темпов, вследствие пандемии COVID-19 и начала фазы санкционного давления на экономику
2021	+5,9%	Рост благодаря восстановлению спроса на энергоносители и адаптация экономики к первым этапам санкций
2022	-2,1%	Замедление экономического роста, структурные проблемы в экономике, ужесточение санкционного давления со стороны ЕС и США, падение инвестиционных расходов, сужение внутренних рынков
2023	+3,6%	Умеренный рост, сдвиг внешней торговли в сторону Китая, Азии, расширение программ государственных инвестиций
2024	+4,1%	Повышение эффективности госрегулирования, изменения инвестиционной направленности регионального сотрудничества

Примечание: составлено автором по данным: Росстат, Минэкономразвития РФ, ЦБ РФ.

Текущие прогнозы Минэкономразвития на 2025 г. – увеличение ВВП на 2,8%, при наличии и более оптимистической вариации – рост до 3,8% [19]. Согласно макроопросу ЦБ, ожидаемые средние темпы роста потенциального ВВП России на горизонте 2027–2031 гг. составят 1,5–1,8% [20].

Тем самым, абсолютная величина ВВП в условиях санкций имеет нелинейную динамику, что представлено в таблице. В 2024 г. в России продолжился тренд роста ВВП до 4,1%, относительно динамики в 3,6% в 2023 г.. Общий годовой рост российского ВВП в среднем с 2013 по 2024 г. составил 1,67%, показав исторический максимума в 5,9% в 2021 году и рекордный минимум в 2,7% в 2020 г. [21].

Надо признать, сила санкционного давления на структуру ВВП определяется степенью прогиба в инвестиционной составляющей динамики производственных активов экономики. Известно, что инвестиционный компонент ВВП в этом смысле самый чувствительный к экзогенным факторам воздействия. Сегодня можно увидеть усиление санкционного давления в попытке дестабилизировать национальную банковскую систему, закрыв доступ к мировым финансовым рынкам, что осложняет кредитную и инвестиционную составляющую в сфере решений в области развития производства. Кредиты становятся дорогими, доходность инвестиционных проектов снижается, что при сокращении притока иностранного капитала катастрофически ограничивает возможности для роста и повышения конкурентоспособности в системе мирового товарообмена.

Не случайно Дж.М.Кейнс, идеолог теории макроэкономического регулирования,

уделяет столь важное внимание инвестиционным расходам, как наиболее активному генератору экономического роста, способствующему сбалансированности экономики, и указывает на объективную необходимость стимулирования данного компонента. По мнению Дж.М. Кейнса инвестиционные расходы зависят от двух ключевых факторов: предельной эффективности капитала, отражающей ожидаемую доходность инвестиционного проекта и процентной ставки, определяющей стоимость заимствованных средств, которые находятся в обратной зависимости. [22] В связи с ограничением доступа российских компаний к иностранным рынкам капитала, стоимость заемных средств на внутреннем рынке растет, что декомпозирует ожидаемую доходность в сторону падения эффективности и увеличивает спрос на консервацию активов, запуская тенденцию отрицательной инвестиционной динамики. Так, ряд крупнейших российских компании уже объявили о сокращении своих инвестиционных программ в 2025 по сравнению с предыдущим годом на сумму 733 млрд рублей [23]. При этом изменение предельной эффективности капитала узнаваемо на фоне роста процентной ставки и падении внутреннего спроса, что указывает на риски более сильных провалов в долгосрочной динамике ВВП. Однако, в силу кейнсианской убежденности в значительной восприимчивости инвестиционных расходов к системе регуляторов в сфере государственного управления, на них можно воздействовать контринструментами. Так, сокращение инвестиции может быть компенсировано повышением государственных инвестиций в экономику, что позволяет

использовать антисанкционный механизм противодействия снижению инвестиционной активности. В более длинном горизонте существенную роль может сыграть изменение страновой направленности инвестиционных потоков, при условии, что в международном сообществе имеются страны, не поддерживающие санкционную войну против конкретного национального агента и способные поставлять импортозамещающие виды продукции.

Российский кейс снижения санкциозависимости включает два взаимоисключающих, по нашему мнению, регулятора – легализированный параллельный импорт и импортозамещение. Ориентация российских компаний на параллельный импорт стратегически слабый модератор хозяйственных связей, так как не позволяет достичь эффекта масштаба и является инвестиционно нейтральным. Нельзя отрицать стабилизационную ценность данного инструмента в краткой и среднесрочной перспективе в значении снижения темпов роста цен в экономике, на фоне неудовлетворенного внутреннего спроса, ограничения тенденции укрепления национальной валюты. Параллельный импорт, согласно общепринятой позиции, позволяет поддерживать конкуренцию, что оптимизирует условия ценообразования на рынке, делая цены менее волатильными, улучшает потребительские свойства товара [6]. Однако, с точки зрения экономического развития данный инструмент, сопоставимый со стратегией перехвата иностранных производственных мощностей, не решает проблему технологической независимости и ограничивает вопросы модернизации собственной производственной базы в перспективе, создавая риски импортозависимости другой страновой направленности. Сложные логистические схемы такого импорта приводят к отложенному во времени эффекту роста затрат и повышению цен в длинном горизонте, что ограничивает инвестиционные возможности компаний.

Тем самым, влияние инвестиций на экономику, оцениваемое через прогноз динамики ВВП, носит разнонаправленный характер в силу сложной структурированности инвестиционных потоков. Так, инвестиционная динамика в экономике определяется прямыми иностранными инвестициями, корпоративными инвестициями частных компаний и государственными инвестициями. В условиях сохранения и ужесточения санкций

со стороны западных стран значительный провал наблюдается в уровне иностранных инвестиций и инвестиций частных национальных компаний в силу ограничений на экспорт высокотехнологичного оборудования и повышения стоимости капитала на внутреннем рынке. Согласно данным Росстата за период 2014–2022 гг., объем инвестиций в основной капитал в России под давлением санкций показывает не устойчивое падение, а волатильность: значительный рост в 2021 г. (7-9%), проседание в 2022 г. на фоне усиления санкций, адаптация к новым условиям и восстановительный рост 2023 г. (6-9%) и усилением тенденции в 2024 г. [24] Такая смешанная динамика связана с структурными изменениями в сфере инвестирования, когда рост инвестиционной активности обеспечивается расширением государственных программ поддержки бизнеса, что указывает на возможность сдерживания негативного санкционного влияния на первые два компонента инвестиционных расходов за счет расширения третьего, приобретающего форму реализации инвестиционных программ импортозамещения в промышленности, что позволяет в рамках агент-ориентированной модели торговой политики ускорить антисанкционное восстановление экономики. Тем самым, санкционное давление на структуру национального ВВП может быть снижено или вовсе нивелировано при условии, что в институциональных рамках контрсанкционной регулятивной практики обеспечивается импортозамещаемость технологий, сырья, продуктов, благодаря которой подсанкционные комплектующие и оборудование можно заменить отечественными субститутами или обеспечить их поставки из нейтральных и дружественных государств.

Заключение

Санкции в текущих координатах современной экономики являются активно выраженным деструктором в системе реализации хозяйственных связей национального уровня. Мировая практика применения санкционного воздействия указывает на агрессивно выраженную антиэкономическую направленность санкций, блокирующих важнейшие цепочки движения товаров и ресурсов, что приводит к сдерживанию темпов экономического развития стран. В этом смысле, становится значимой оценка санкционного воздействия на национальную экономику

в контексте, с одной стороны, понимания рациональности решений в сфере санкционной политики, с другой, формирования механизма противодействия устанавливаемым санкционным барьерам.

Отраслевая импортно-экспортная структура экономики и характер движения товарно-денежных потоков страны определяют её интегрированность в глобальную сеть мирохозяйственных связей. В данном аспекте подчеркивается, что санкции в условиях масштабирования внутриотраслевых взаимосвязей и значительной ресурсоемкости экономики имеют менее выраженные негативные последствия. Отрицательная динамика социально-экономических индикаторов после введения санкций имеет короткий

временной интервал и в длинном горизонте стремится к восстановлению, что подтверждается нелинейной динамикой ВВП. Так, масштабная санкционная блокада, которой подвергается с 2014 г. российская экономика показывает высокий уровень адаптивности национальной хозяйственной системы, обеспеченный институциональными регуляторами направленного воздействия.

Таким образом, результаты проведенного исследования позволяют расширить контексты представлений о механизме санкционных ограничений с точки зрения их последствий, – от сдерживания экономического развития до его стимулирования в рамках четко обусловленной адаптационной политики противодействия санкциям.

Библиографический список

1. Алихани С., Хоминич И. Влияние экономических санкций на экономику страны. // Вестник университета. 2021. № 5, С. 93–100. URL: <https://vestnik.guu.ru/jour/article/view/2877> (дата обращения: 15.10.2025). DOI: 10.26425/1816-4277-2021-5-93-100.
2. Краснова О.С. Ретроспективный анализ влияния экономических санкций на социально-экономическое развитие макрорегионов (на примере Ирана и Республики Куба) // Инновации и инвестиции. 2024. № 12. С. 68-70. URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=80064297> (дата обращения: 15.10.2025).
3. Победин А.А., Федулов Д.В. Международные экономические санкции: структура и сценарии реализации // Вопросы управления. 2023. Т. 17. № 4. С. 20-32. URL: <https://journal-management.com/issue/2023/04/02> (дата обращения: 15.10.2025). DOI: 10.22394/2304-3369-2023-4-20-32.
4. Ellis E. The Ethics of Economic Sanctions: Why Just War Theory is Not the Answer // Res Publica. 2020. № 27(3). Р. 409–426. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s11158-020-09483-z> (дата обращения: 08.10.2025).
5. Alhassan A., Sabzehmeidani A.S., Taha A.I., Haseki M.I. Sanctions and economic growth: Do sanction diversity and level of development matter? // Heliyon. 2023. Sep 2. № 9(9). Р. e19571. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S2405844023067798> (дата обращения: 11.10.2025).
6. Смирнов Е.Н., Сероштан Е.С. Параллельный импорт как новый инструмент сглаживания последствий экономических санкций // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2023. № 11-1. С. 107-112. URL: <https://vaael.ru/ru/article/view?id=3040> (дата обращения: 14.11.2025).
7. Korhonen I. Sanctions and counter-sanctions: What are their economic effects in Russia and elsewhere? BOFIT Policy Brief, No. 2/2019. Bank of Finland. Institute for Economies in Transition (BOFIT), Helsinki. URL: <https://nbn-resolving.de/urn:nbn:fi:bof-201909131464> (дата обращения: 23.10.2025).
8. Ашинова М.К., Козлова Н.Ш., Козлов Р.С. Меры поддержки экономики России и возможные макроэкономические последствия в условиях санкционного давления // Новые технологии. 2022. № 18(3). С. 127-133. URL: <https://newtechology.mkgtu.ru/jour/article/view/609> (дата обращения: 15.10.2025). DOI: 10.47370/2072-0920-2022-18-3-127-133.
9. Полтерович В.М. Еще раз о том, куда идти: к стратегии развития в условиях изоляции от Запада // Журнал Новой экономической ассоциации. 2022. № 3. С. 238–244. URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_49493348_86435677.pdf (дата обращения: 25.10.2025). DOI: 10.31737/2221-2264-2022-55-3-17.
10. Репин С.С. Экономическое развитие и подъём России под санкциями. // Научные заметки Российской академии предпринимательства. 2023. Т. 22. №1. С. 20–24. URL: <https://www.scinotes.ru/jour/article/view/782> (дата обращения: 25.10.2025). DOI: 10.24182/2073-6258-2023-22-1-20-24.
11. Смородинская Н.В., Катуков Д.Д. Россия в условиях санкций: пределы адаптации // Вестник Института экономики Российской академии наук. 2022. № 6. С. 52–67. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/rossiya-v-usloviyah-sanktsiy-predely-adaptatsii> (дата обращения: 25.10.2025). DOI: 10.52180/2073-6487_2022_6_52_67.

12. Bělin M., Hanousek J. Which Sanctions Matter? Analysis of the EU/Russian Sanctions of 2014 // *Journal of Comparative Economics*. 2021. Vol. 49, Is. 1. P. 244–257. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0147596720300408> (дата обращения: 25.10.2025). DOI: 10.1016/j.jce.2020.07.001.
13. Xiuping G., Xianglei M., Qingfeng L., Yanhua W., Trade openness, globalization, and natural resources management: The moderating role of economic complexity in newly industrialized countries // *Resources Policy*. 2023. Vol. 85. Part A. 103757. DOI: 10.1016/j.resourpol.2023.103757. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0301420723004683> (дата обращения: 25.10.2025).
14. Gollin D., Kaboski J.P. New Views on Structural Transformation: Implications from Recent Literature // *Oxford Development Studies*. 2023. № 51 (4). P. 339–361. DOI: 10.1080/13600818.2023.2280748.
15. Osakwe P.N., Kilolo J.-M. What drives export diversification? New evidence from a panel of developing countries. UNCTAD Research Paper No. 3. UNCTAD/SER.RP/2018/3/Rev.1. October 2018. Available. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/ser-rp-2018d3_en.pdf (дата обращения: 25.10.2025).
16. Казанцев С.В. Санкции и прямые иностранные инвестиции: ущерб для России и стран-санкционеров // *Мир новой экономики*. 2020. № 14(1). С. 44–53. URL: <https://wne.fa.ru/jour/article/view/276> (дата обращения: 25.10.2025). DOI: 10.26794/2220-6469-2020-14-1-44-53.
17. Официальные данные Росстата по ВВП (2016–2023 гг.). «Индекс физического объема валового внутреннего продукта». URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_kvartal_s_2016.xlsx (дата обращения: 27.11.2025).
18. МВФ повысил оценку роста ВВП РФ в 2024 году до 3,6%. Интерфакс. URL: <https://www.interfax.ru/business/987992> (дата обращения: 29.11.2025).
19. Основные направления бюджетной, налоговой и таможенно-тарифной политики на 2025 год и на плановый период 2026 и 2027 годов. URL: <https://normativ.kontur.ru/document?moduleId=1&documentId=479470> (дата обращения: 30.11.2025).
20. Макроэкономический опрос Банка России. URL: https://cbr.ru/statistics/ddkp/mo_br/ (дата обращения: 19.11.2025).
21. Россия – Годовой рост ВВП 2012–2024 гг. Данные Trading Economics. URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/full-year-gdp-growth> (дата обращения: 19.11.2025).
22. Кейнс Дж.М. Общая теория занятости, процента и денег / пер. с англ. М.: ЗАО «Бизнеском», 2013. 402 с. ISBN 978-5-91663-155-5.
23. Кичемайкин К. Крупнейшие корпорации урезали капиталовложения на 2025 год. Выпуск от 16.09.2025. Новостное агентство FRANKmedia. URL: <https://frankmedia.ru/219182> (дата обращения: 22.11.2025).
24. Аналитический обзор ЦБ. Региональная экономика: комментарии ГУ № 38. 3 сентября 2025 года. URL: <https://cbr.ru/collection/collection/file/57217/0925.pdf> (дата обращения: 30.11.2025).